

УДК 32:141.82(091):947.083(045)

Н.Н. Бармина

ИСТОРИЯ РАННЕГО РУССКОГО МАРКСИЗМА В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Анализируется процесс идейной эволюции и межличностные отношения в среде русских марксистов 1890-х гг., отразившиеся в источниках личного происхождения – письмах, дневниках, воспоминаниях.

Ключевые слова: общественно-политическая мысль, русский марксизм, «легальный марксизм», П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, А.Н. Потресов, А.М. Калмыкова, В.И. Ульянов (Ленин), А.В.Тыркова-Вильямс.

Ранний русский марксизм хронологически охватывает период с момента проникновения в Россию марксистских идей в 1880-х гг. до окончательного оформления Российской социал-демократической рабочей партии на II съезде в 1903 г. как самостоятельной организации, с четко обозначенной программой и определенным политическим лицом.

В рамках этого сюжета можно выделить ряд проблемных блоков: так называемый академический марксизм, представленный рядом ученых-экономистов, использовавших и иногда пропагандировавших идеи К.Маркса среди русской читающей публики (Н.И. Зибер¹, А.И. Скворцов², П.Н. Скворцов³); «народнический марксизм», представленный в трудах Н.К. Михайловского, В.П. Воронцова (В.В.), Н.Ф. Даниельсона (Николай – он), считавших теорию Маркса верной, но неприменимой в российских условиях; «легальный марксизм» – оригинальное явление в русской общественной мысли рубежа веков (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.); революционный марксизм, проявивший себя в деятельности группы «Освобождение труда» и подпольных кружков 1880–1890-х гг.; «экономизм», сыгравший роль своеобразного катализатора в процессе генезиса социал-демократической партии «нового типа» (определение В.И. Ленина).

Сейчас появилась прекрасная возможность привлечь к изучению раннего русского марксизма крайне интересный пласт источников – документы личного происхождения: письма, дневники и воспоминания.

Эпистолярные источники являются наиболее информативными и интересными для изучения процесса зарождения, распространения и организационного оформления марксистского течения в русской общественной мысли и политической жизни. Очевидно, что доступный нам круг писем не является исчерпывающим.

Основная заслуга в сохранении эпистолярного наследия русских марксистов принадлежит Александру Николаевичу Потресову (1869–1934)⁴. Выходец из дворянской семьи (что было типично для представителей раннего марксизма), А.Н. Потресов окончил Петербургский университет, принимал участие в студенческом движении, с 1891 г. определился как сторонник марксистских идей. Он вел активную переписку с широким кругом корреспондентов, до и после революции 1917 г. принимал участие в работе по изучению истории русской социал-демократии. В 1920-х гг. при его активном участии началась публикация эпистолярного наследия русских марксистов⁵. После отъезда в 1925 г. Потресова в эмиграцию его архив фактически был разделен, часть осталась в СССР, а часть оказалась в зарубежных архивохранилищах. В последние годы началась работа по изданию переписки А.Н. Потресова с общественными и политическими деятелями России⁶.

Одним из основных корреспондентов А.Н. Потресова был Петр Бернгардович Струве (1870–1944), ключевая фигура «легального марксизма». А. Потресов и П. Струве были близки по Петербургскому университету, вместе принимали участие в создании и деятельности марксистских кружков в студенческой среде в 1891–1892 гг., в определенный период их отношения носили дружественный характер. Однако по мере эволюции политических взглядов Струве, постепенно склонявшегося к критике марксизма и перешедшего на либеральные позиции, произошло взаимное отдаление и отчуждение.

Наиболее интенсивная переписка между П. Струве и А. Потресовым приходится на период 1892–1899 гг.: это было время совместных начинаний и замыслов, близости философских, экономических и политических позиций. Корреспондентами А.Н. Потресова также являлись П.П. Маслов, В.А. Ионов, Ф.И. Дан, Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, В.И. Ульянов (Ленин), Ю.О. Цедербаум (Лев Мартов) и др.

Первые письма П. Струве, датируемые 14 мая и 13 июня 1892 г., были посланы из Граца^а, в них автор проявляет достаточно живой интерес к текущим событиям, просит прислать ему некоторые журналы, публикации в которых были связаны с трагическим голодом 1891–1892 гг.: «Вы стоите теперь так сказать посреди материала о голоде и можете поэтому, я думаю, правильное судить о его экономическом значении. Может ли население оправиться после него или же все народное хозяйство под влиянием этого толчка неизбежно примет новые формы, для победы которых именно и нужно разорение народных масс? Я ... уверен, что от экономической самостоятельности (и прежде очень подозрительной) русского земледельца не останется скоро и следа. И голоду будет принадлежать значительная доля в этой заслуге»⁷.

Интерес к происходящей капиталистической трансформации русского сельского хозяйства со стороны русских марксистов был предопределен зарождающейся полемикой с представителями народнического лагеря. В 1893 г. П. Струве опубликовал ряд заметок библиографического характера на книги народнических авторов в немецких изданиях⁸; он писал: «к счастью или к несчастью с русским капитализмом обстоит дело далеко не так плохо, как это со времен Воронцова обычно утверждается в русской литературе»⁹, «нужно лишь отказаться от мечтаний, что все сельскохозяйственные производители, которые в настоящее время являются самостоятельными, могут и должны в будущем сохранять свою самостоятельность»¹⁰. Таким образом, связь голода с процессом разорения крестьянства, отмеченная Струве в письме от 14 мая 1892 г., вскоре получила развернутое обоснование в серии «немецких» статей молодого марксистского автора.

Этот же интерес способствовал сближению русских марксистов с А.И. Скворцовым. В письмах Струве от 1 и 22 июля 1894 г. отразилось его впечатление от личного знакомства с автором «Экономических причин голодовок в России», впечатление весьма двойственное: «Скворцов показался мне очень умным – как я того и ожидал – и безусловно порядочным человеком. Но лично мне он не понравился. Он совсем не наш. Он м[аркси]ст, не будучи к[оммуни]стом. Поэтому-то он полезен как замечательный научный работник и как человек, могущий иногда с успехом высечь народников и народничающих либералов, но больше от него не получишь»¹¹.

Любопытно, что несколькими неделями ранее П. Струве отметил и еще одну черту потенциального союзника: «Между прочим – мелочь: он, по-видимому – антисемит и вообще националист... Я бы не удивился, если бы он в один прекрасный день стал сотрудником “Московских ведомостей”¹²...». Данное замечание, сделанное походя в письме от 1 июля 1894 г.¹³, тем интереснее, что идет целиком вразрез с тезисом об исконной приверженности П.Б. Струве национализму, выдвинутым Ричардом Пайпсом в его фундаментальной биографии Петра Струве¹⁴.

Американский исследователь стремится противопоставить П.Б. Струве его окружению, подчеркнуть его исключительность, прибегая к ряду довольно спорных утверждений. Пайпс пишет, что «во времена Струве страсть к знанию как таковому, а особенно – к не имевшему социальной или политической “релевантности”, была не только не в моде, но и решительно не поощрялась. Российские юноши, взращенные на идеях анархизма, предполагавшего решительность действия, рассматривали чистое знание как несовместимое со служением народу. Они считали, что необходимо выбирать между учебой и революцией. Активные революционеры по самому характеру своей профессии имели мало времени на чтение и весьма смутно представляли себе любой предмет, выходящий за рамки горячих революционных споров»¹⁵. Безосновательность таких выводов не требует доказательств. Представители революционных течений русской мысли уделяли громадное внимание процессам образования и самообразования, места ссылок фактически превращались в своеобразные университеты, где велись споры по самому широкому кругу современных научных проблем.

По мнению Р. Пайпса, «одним из принципов, сформировавших глубинный субстрат мышления Струве, был национализм. До того, как он стал кем-то еще – социал-демократом или тем, что он сам именовал как консервативный либерал, – он был монархистом, славянофилом и панславистом. Национализм, тесно связанный с идеей свободы, являлся одним из незыблемых столпов его интеллектуальной биографии, можно сказать ее константой, тогда как в отношении остального его политическая и социальная точка зрения постепенно менялась»¹⁶.

Обосновывая данное суждение, Р. Пайпс ссылается на два момента: первый – круг чтения и идейных увлечений в семье («интеллектуальным идолом семейства был Иван Аксаков»¹⁷); второй –

^а Здесь и далее при цитировании писем соблюдается орфография и пунктуация оригинала.

собственная статья П. Струве, имеющая, в некоторой степени, мемуарный характер¹⁸. Однако эти ссылки не представляются нам бесспорно убедительными.

Сомнительно, что идеи И. Аксакова стали основными в формировании личности молодого человека, который в своей первой книге развернет дискуссию между молодыми русскими марксистами и народниками в продолжение противостояния между западниками и славянофилами¹⁹.

В написанной и опубликованной в 1934 г. в эмиграции статье Струве подчеркивалась «чужеродность» воззрений автора 1890-х гг. относительно русской революционной социал-демократии. Такая тенденция была характерна для Струве уже в период первых идейных подвижек, которые привели к жесткому противостоянию с прежними соратниками. Уже в сборнике «На разные темы» (1902) автор подчеркивал «еретичность» собственных мыслей. Подобное самооправдание было нормальным и естественным процессом нового политического самоопределения Струве. Однако предоставленные теперь в наше распоряжение письма П.Б. Струве свидетельствуют, что в 1894 г. он себя воспринимал и как марксиста, и как коммуниста (оценка А.И. Скворцова – «не наш»).

Целый ряд писем П. Струве отражает процесс идейного противостояния с народниками: «Важна, бесконечно важна разработка истории нашей общественной жизни с нашей точки зрения, которая есть в то же время и метод по терминологии субъективистов *a la* Михайловский. Широко объективное историческое изучение должно идти параллельно с публицистической борьбой с азиатчиной в русской жизни и либерально-народническим скудоумием в нашей литературе»²⁰.

Так, в письме от 17 июля 1894 г., в период работы над книгой «Критические заметки...» автор пишет: «Я теперь все более и более вижу, что книгу будут ругать, что называется на все корки и отчасти поделом – в ней много слабых сторон. Но если те, по адресу коих она написана, отнесутся к ней серьезно, то она сослужит свою службу, несмотря на недостатки»²¹.

Те, «по адресу коих» была написана книга, отнеслись к ней более чем серьезно: последовала ожесточенная народническая критика, в которой приняли участие почти все ключевые фигуры этого идейного лагеря (И. Гофштеттер, Н. Фаресов, Л. Оболенский, С. Южаков, В. Чернов, В. Воронцов и др). Была заложена структура полемики, ставшей ядром интеллектуальной жизни русской интеллигенции на несколько лет – с 1894 по 1898 г., отголоски полемики просматривались и позднее²².

После того, как первая книга П. Струве была сдана в печать, молодой автор переживает серьезные душевные терзания: «На сердце у меня кошки скребут, настолько велики формальные и всяческие недостатки книги... Я появлюсь на публике в полном дезабилье. Этого нельзя теперь поправить, но с этим придется очень сильно и долго считаться... Только меня недовольство работой ужасно мучит, буквально до боли, до полного отчаяния»²³. В октябре 1894 г. П.Б. Струве с определенным удовлетворением констатирует: «Книга моя в смысле распродажи имеет большой успех. Она себя уже окупала, т.к. продано более 500 экз. Говорят, что Михайловский будет писать о ней, слышал также, что в ближайшей книжке Слонимский готовит рецензию. Интересных отзывов пока еще не приходилось слышать»²⁴.

Завершение работы над книгой наводит П. Струве на мысль о необходимости глубокого исследования вопроса о «крепостном хозяйстве» и «крестьянском населении»²⁵.

С лета 1894 г. в переписке между П. Струве и А. Потресовым начинается обсуждаться проект создания своего (марксистского) печатного органа – газеты (позднее – журнала): «Участие в редакции Ваше и мое обеспечивало бы, в известной мере, ту степень «новизны» содержания, без которой, конечно, не стоит журнального огорода городить. В редакцию можно было бы, кроме того, пригласить еще кого-нибудь из близких по духу. Вообще я к этому не могу отнестись отрицательно и думаю, что если оно не разобьется о цензурные утесы, то преуспеет и притом сравнительно быстро»²⁶. Однако поиск возможностей в плане периодической печати существенно затянулся, обсуждались разные варианты: создать новый орган, сотрудничать в уже существующем (Струве всерьез обдумывал сотрудничество в «Биржевых Ведомостях»).

В 1895 г. русские марксисты предпринимают попытку выпустить сборник нового направления, инициатором и редактором которого становится А.Н. Потресов. К сотрудничеству в нем привлекли довольно широкий круг авторов: П.Н. Скворцов, В.А. Ионов (В.И.), А.Н. Потресов, Э. Бернштейн (в переводе Р.Э. Классона), В.И. Ульянов (К. Тулин), П.Б. Струве, Г.В. Плеханов (Д. Кузнецов, Утис), планировалась также статья П.Б. Аксельрода (но не была представлена).

Судьба сборника оказалась печальной – весной 1896 г. было принято окончательное решение о его цензурном запрете и уничтожении, спасти удалось малую часть тиража (в литературе упоминается несколько десятков экземпляров из 2000)²⁷. А.Н. Потресов с иронией пишет П.Б. Струве о при-

ключениях сборника в Цензурном комитете: «Представьте себе, что до сих пор обсуждают вопрос о том – лопать его или не лопать; говорят: больно уж толст, не легко проглатываем. Эти подробности, на мой взгляд, весьма утешительны и дают некоторую надежду на жизнеспособность нашего *enfant future*^b: если первенец даже и погибнет, что, конечно, всего вероятнее, то надо помнить, что он причинил ряд неприятностей литературным котам... и они долго колебались уничтожить»²⁸.

Поиск печатного органа для нового направления неожиданно увенчался успехом: в 1896–1897 гг. марксисты получили в свое распоряжение провинциальную общественно-политическую газету «Самарский Вестник», официальным соиздателем которой стал осенью 1896 г. писатель и общественный деятель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906). Вокруг газеты сложилась своя марксистская группа («самарцы»): П.П. Маслов, А.А. Санин, В.В. Португалов, Р.Э. Циммерман.

П. Струве и А. Потресов были приглашены к сотрудничеству в этом издании. Об истории обретения марксистами «Самарского Вестника» А.Н. Потресову писал П.П. Маслов: «Гарин выразил желание принять участие в этом деле при условии, что газета выставит свое антинародническое *profession de foi*^c и если газете даст свое имя и примет участие Петр Берн[ардович] и еще кто-ниб[удь] из петербуржцев»²⁹.

Активного участия в издании группа петербуржцев не принимала, но ряд статей в «Самарском Вестнике» появился: пара статей П. Струве³⁰, статья Г.В. Плеханова (псевдоним П.Бочаров), ряд других публикаций. Согласно оценке А.Н. Потресова, «орган наших восточных м[арксист]ов пока страдает худосочием и, на мой взгляд, плохо редактируется...Надежды на успех газеты весьма слабы. Самарцы в большой претензии на то, что их не поддерживают своим сотрудничеством “иногородние” м[арксист]ы»³¹.

Плодотворному сотрудничеству двух когорт русских марксистов воспрепятствовали два обстоятельства: во-первых, с марта 1897 г. в руках «легальных марксистов» оказался журнал «Новое Слово»³², предоставивший «петербуржцам» собственную печатную трибуну; во-вторых, той же весной 1897 г. выявились существенные разногласия между «самарцами» и «петербуржцами» (в лице П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановского) по одному из ключевых вопросов тогдашней общественной жизни – о росте цен на хлеб. Разногласия привели к ожесточенной полемике между «восточными» и «западными» марксистами.

История марксистского журнала «Новое Слово» не нашла отражения в переписке А.Н. Потресова и П.Б. Струве. Причина была очевидна и банальна – в конце 1896 г. Потресов был арестован, практически весь 1897 г. провел в тюремном заключении и лишь в 1898 г. был отправлен в ссылку в г. Орлов Вятской губернии, где в этот период сложилась довольно представительная марксистская группа: Н.Э. Бауман, В.В. Воровский, П.И. Стучка, Ф.И. Дан, И.Г. Смилович и др.

В силу сложившихся обстоятельств А.Н. Потресов не мог активно участвовать в издании журнала «Новое Слово», там была опубликована лишь одна его статья – «Артельная эпопея» (подписана А. П-р-ъ)³³. Уже находясь в орловской ссылке, А.Н. Потресов печально сетовал: «Сидя и грустя в богомерзкой дыре – сиречь Орлове – я частенько поминаю милого покойника – *La Nouvelle Parole*^d, – и быть может более сильно, чем иной столичный обыватель, чувствую потребность в его возрождении. В самом деле в провинции чувствуешь себя страшно оторванным от всех и вся, вокруг все почит мертвым сном, из столиц – ни звука, перестаешь осязать, хоть и веришь, что колесо истории все же вертится и когда-то, в назначенный судьбой час, прикатит нас и присных нам в землю обетованную. Необходим периодический возбудитель, чтобы поддерживать в известном напряжении поистаскавшиеся нервы...»³⁴. В ответ на это «столичный обыватель» отвечал: «...В сущности все наше отечество представляет из себя увеличенный Орлов, и потому я тоже в известном смысле нахожусь в орловском настроении»³⁵.

В 1899 г. возникла возможность возобновить издание марксистского «периодического возбудителя» – им стал журнал «Начало»³⁶, к сотрудничеству в нем П. Струве привлек и А.Н. Потресова: «Пишу Вам с целью сделать одно предложение, которое внесет, быть может, некоторое разнообразие и оживление в Вашу орловскую жизнь»³⁷.

Новый сюжет в переписке между А. Потресовым и П. Струве связан с философскими колебаниями последнего, толчком к которым послужило появление работ Р. Штаммлера (1856–1938)³⁸ – немецкого философа, стоявшего на позициях неокантианства. Работы его вскоре были переведены на

^b Будущего ребенка (франц.).

^c «Символ веры» (франц.).

^d Новое Слово (франц.).

русский и послужили сюжетом для дискуссии в лагере «легальных марксистов» (полемика П. Струве и С. Булгакова, работы Н. Бердяева). Еще большим стимулом к критике марксизма послужило выступление Э. Бернштейна.

П.Б. Струве позитивно оценил идеи Бернштейна, но его адресат (А.Н. Потресов) занимал по данному вопросу другую позицию: «Вы пренебрежительно отзываясь о Бернштейне и его статьях... Неужели Вы не чувствуете, что за Бернштейном огромная заслуга в том, что он выступил против ортодоксальных, обветшалых идей и против ортодоксальной фразеологии, которая утратила смысл, а с ним и внутреннюю правду?»³⁹. Особые нападки в письмах П. Струве 1899 г. приходится на долю Г.В. Плеханова (в письмах он фигурирует как «монист»⁴⁰): «Полемика мониста против Бернштейна и Конрада Шмидта прямо позорна... Философски она крайне слаба, до детскости, морально – омерзительна... Внутреннее положение мониста крайне печально и глубоко трагично... Трагизм его заключается в том, что он отстаивает совершенно безнадежные позиции: во-первых, ортодоксальный взгляд на общественную эволюцию, во-вторых, материализм, который никому и ни на что не нужен, в-третьих, гегелианство (диалектика и проч[ее]), тоже абсолютно ни к чему не нужное и совершенно несостоятельное. Все это реквизиты ортодоксии, которая держится только тем, что она стала дорогой традицией, т.е. консерватизмом человеческих мозгов»⁴¹.

Острога полемики подкреплялась личными – достаточно сложными и неприязненными – отношениями между П. Струве и Г. Плехановым. Фактически в 1899 г. шли две параллельные полемики: публичная (в открытой печати)⁴² и внутренняя (между самими русскими марксистами, представленная в личных беседах и письмах), причем последняя была и более жесткой, и более откровенной.

В этой полемике симпатии А. Потресова были на стороне Г. Плеханова: «...Постараюсь в двух словах выяснить Вам, почему я лично считаю деятельность Б[ернштей]на за последнее время не скажу ... “омерзительной” (я более мягко), но во всяком случае в высшей степени вредной и не делающей ему чести»⁴³.

Любопытно, что в качестве возможного союзника по критике марксизма П. Струве одно время (недолго) рассматривал В.И. Ульянова, давая ему весьма лестные характеристики: «...Ильин еще не отрешился от ортодоксии, но надеюсь, что рано или поздно это произойдет. Ибо вера в Zusammenbruch^e может держаться лишь консерватизмом мозгов или недомыслием, а у Ильина очень живой и прогрессирующий ум, и есть истинная добросовестность мышления»⁴⁴.

Реагируя на возникшую ситуацию, Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) пишет А.Н. Потресову: «Так как “Начало” еле дышит и того и гляди совсем перестанет дышать, то мы можем пережить серьезный кризис. Причины этого кризиса коренятся прежде всего в нашей собственной среде. А именно, в ней все явственнее обозначаются два направления: одно, представляемое Ж[оржем] и другими, другое еще не получило литературного выражения в достаточной мере, но несомненно существует и растет. Самым определенным представителем этого другого направления является одна дама, недавно появившаяся в Петербурге»⁴⁵. Направление это можно скорее всего охарактеризовать, как полный отказ от марксизма и возвращение к прежней обще-прогрессивной программе. Дама эта от всей души ненавидит Ж[оржа], да за одно и марксизм вообще. П[етр] Б[ернгардович] занимает промежуточное положение. Что касается до меня, то я всей душой со стариками. У нас теперь упорно разговаривают о «примирении» – устройстве коалиционного органа. На мой взгляд это совершенно неосуществимо и из области разговоров не выйдет. Но характерны уже самые разговоры»⁴⁶. Это письмо характеризует ту атмосферу колебаний и споров, которая сложилась в среде петербургских марксистов под влиянием начавшейся на Западе критики марксизма, тем более, что наиболее революционно настроенная часть социал-демократов к этому времени оказалась в ссылках (В.И. Ульянов, Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов и др. «старика») и временно была ограничена в возможности публично защищать и отстаивать свои воззрения и убеждения.

Атмосфера этих колебаний получила отражение в письмах Александры Михайловны Калмыковой (1849–1926). Известная общественная деятельница и издательница, А.М. Калмыкова была тесно связана с молодыми русскими марксистами. Именно в ее доме после ухода из семьи в 1889 г. поселился П.Б. Струве, характер отношений между ними в литературе трактуется по-разному. Сама Калмыкова в своих воспоминаниях называла Струве своим «приемным сыном»⁴⁷, в 1934 г. в статье о контактах с Лениным последний, характеризуя свои отношения с Александрой Михайловной, пишет, что он «снял

^e «Всеобщий крах» (нем.), полностью – «теория всеобщего краха», элемент марксистской теории социальной революции.

комнату» в ее квартире⁴⁸. На самом деле отношения между этими двумя были значительно ближе и сложнее. До 1896 г. между ними существовала весьма близкая, фактически интимная связь, известно, что П.Б. Струве даже предлагал официальный брак, однако существенная разница в возрасте, специфика межличностных отношений в узком кругу (сын Калмыковой был гимназическим товарищем П.Б. Струве) неизбежно привели к разрыву. П.Б. Струве женился на Н.А. Герд, однако постоянные контакты, совместная работа в различных изданиях, в Вольном Экономическом Обществе, финансовая поддержка, оказываемая А.М. Калмыковой практически всем молодым марксистам «ближнего круга», привели к сохранению дружеских отношений, которые, наверняка, были непростыми.

В период критических исканий, переживаемых П.Б. Струве, Калмыкова неоднократно пишет А.Н. Потресову, выказывая свое беспокойство настроениями и поведением П.Б. Струве.

Письма А.М. Калмыковой представляют собой очень сумбурные, крайне эмоционально написанные тексты, в которых много намеков, требующих расшифровки, она часто использует прозвища для обозначения людей (отчасти – опасаясь цензуры). Некоторые из этих псевдонимов весьма любопытны: так, П. Струве фигурирует в письмах как «Теленок», В.И. Засулич как «Кузина», В.И. Ульянов и Н.К. Крупская именуется «Аполлонами», а отдельно В.И. Ульянов даже фигурирует как «Златокудрий Аполлон». Сама Калмыкова тоже имела партийный псевдоним – Тетка или Тетушка (так её обычно именовал В.И. Ульянов).

В 1899 г. она так характеризует положение дел в журнале «Начало»: «Могу сказать, что в самые мрачные минуты не могла себе представить более уродливого сочетания, чем то, которое представляет собой редакция»⁴⁹.

В этом и ряде последующих писем А.М. Калмыкова описывает то эмоциональное напряжение, в котором находится П.Б. Струве, крайне раздраженно и пессимистично характеризует свои с ним отношения. В этих письмах она могла быть вполне откровенной – А.Н. Потресов был в курсе всех личных отношений, часто выступал доверенным лицом как Струве, так и Калмыковой. Она пишет: «При моем появлении у него тотчас же меняется лицо. Он или готов защищаться, или решил упорно молчать... Думаю, что он недоволен собой, не уверен в правильности линии своего поведения и бравировует, старается забывать неприятное в себе самом. В душе он сознает, что я права, что я его насквозь вижу и понимаю, и это раздражает его до умопомрачения»⁵⁰.

Наметившиеся идейные разногласия стали постепенно приводить к осложнениям в работе. После выхода в свет первой книжки журнала «Начало» Калмыкова практически жалуется А. Потресову: «Просмотрела книгу от доски до доски. Она наполовину мне совершенно была незнакома. П[етр] Б[ернгардович] упорно находил невозможности присылать мне корректурные листы. Я не настаивала и мучительно ждала. Скажу – книга превзошла мои ожидания, но я – так мало – ждала...»⁵¹.

В целом тон её писем становится все более пессимистическим: «В П[етре] Б[ернгардовиче] я за последний год замечала несомненно совершающуюся в глубине напряженную работу мысли, вонне выражавшуюся крайне капризно, главным образом раздражительными выходками против чего-то и кого-то. Смотря по минуте^f, это были и Вы, и доброй памяти Самарцы, и я, и «старички свои». Вы знаете, как трудно с ним говорить. Мне и совсем невозможно, но он и с другими не говорил, чем крайне раздражал многих»⁵². Впрочем, уже летом 1899 г. Калмыкова отмечает, что ее бывший «приемный сын» стал спокоен, вполне доволен собой, зато сама она явно перестает ему доверять: «Взвешивайте каждое свое слово в письмах к П[етру] Б[ернгардовичу]. Вы должны быть для него авторитетом, грозою. П[етр] Б[ернгардович] способен, получив письмо неприятного свойства, замолчать его получение. Советую писать не ему одному, а обоим вместе (Туган-Баранов[скому])...»⁵³.

Постепенно из переписки исчезают регулярные письма П. Струве к А.Н. Потресову, о Струве практически перестает упоминать и А.М. Калмыкова. Последние совместные контакты были связаны с обсуждением сначала в Пскове (туда были переведены для проживания после ссылки как А.Н. Потресов, так и В.И. Ульянов), а затем за границей планов издания общего оппозиционного журнала, планов, которым так и не было суждено реализоваться.

Еще одним интересным образцом эпистолярного наследия является переписка между А.Н. Потресовым и Юлием Осиповичем Мартовым (Цедербаумом) (1873–1923) в период подготовки к изданию знаменитого «меньшевистского пятитомника»⁵⁴, в работе над ним выявился комплекс разногласий между ключевыми меньшевистскими теоретиками – в том числе относительно оценок раннего этапа русского марксизма. Г.В. Плеханов, ознакомившись с рядом статей, предназначенных для пуб-

^f Так в оригинале письма.

ликация в первом томе, упрекнул А.Н. Потресова в чрезмерном внимании к «легальному марксизму», в уступках бернштейнианству и преувеличении роли П. Струве. Несмотря на попытки как Потресова, так и Мартова сгладить эти разногласия и найти приемлемую для всех форму совместной работы, Плеханов демонстративно отказался от сотрудничества в многотомнике⁵⁵. Ход письменных переговоров показывает, как шел процесс практически первого в социал-демократической традиции осмысления путей генезиса русского марксизма.

Ценность опубликованных в настоящее время писем трудно переоценить. Они позволяют сделать ряд уточнений применительно к хорошо известным и опубликованным источникам, по которым традиционно исследуются пути идейной и политической эволюции русского марксизма, помогают преодолеть ряд устоявшихся в литературе (как советской, так и эмигрантской, западной и новой российской) стереотипов, помогают рассмотреть «внутренние механизмы», предопределившие те или иные сближения и(или) расхождения в весьма узкой среде марксистских интеллектуалов 1890-х – начала 1900-х гг.

Эта роль эпистолярного наследия тем важнее, что, к величайшей скорби исследователей, в круге русских марксистов не было принято вести дневники (или же они не дошли до нас), понятно, что в условиях цензурных ограничений и политической оппозиционности ведение дневниковых записей было чревато возможными арестами и провалами. В силу этого обстоятельства отдельные сюжеты истории раннего марксизма представлены лишь в «случайных» дневниках, писавшихся людьми, далекими от данного круга лиц. Такие дневники выявляются (хотя и весьма в ограниченном числе).

Довольно интересная запись обнаруживается в «Дневнике» А.С. Суворина: она касается полемики между марксистами и народниками в Вольном Экономическом Обществе. Передавая разговор между Николаем II и С.Ю. Витте по этому поводу, Суворин делает запись: «Государь обратил внимание на газетные резюме о заседаниях Вольного Экономического Общества. Витте сказал ему, что говорится больше и резче, чем передается в газетах. Государь сказал, что Министр внутренних дел должен бы обратить на это внимание»⁵⁶. Последствия не заставили себя ждать: сначала усилилось политическое и административное давление на руководство ИВЭО, ряд заседаний был отменен, а к 1900 г. в Устав Общества были внесены изменения, и прогрессивная общественность лишилась одной из своих основных публичных трибун.

Еще одним любопытным «случайным» документом является «Дневник русской женщины» Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902). Случайно оказавшись на студенческом «чаепитии», где шла полемика между марксистами и народниками, 11 февраля 1896 г. девушка передала со всей непосредственностью обстановку таких мероприятий: комната, в которой толпились студенты и курсистки; чайные столы с сухарями и бутербродами, за которыми уже заняты все места; вполне «демократическое» (а не светское) обращение⁵⁷. Е. Дьяконова зафиксировала свое впечатление от выступления П. Струве: «Почти рядом со мной поднялся высокий рыжеватый господин в очках С-ве и, отчаянно заикаясь и останавливаясь на каждом слове, стал возражать первому... С-ве, быть может, хороший писатель, но как оратор он лучше бы сделал, если бы не говорил вовсе»⁵⁸.

Данная дневниковая запись весьма наглядно показывает, что, во-первых, распространение марксистских идей в студенческой среде шло не так легко и быстро, как хотелось бы их главным защитникам, а во-вторых, что большую роль в популяризации «направления» играли хорошие ораторы, к которым – увы! – совсем не относился П.Б. Струве. Отсутствие у него ораторских дарований отмечают многие современники, даже те, кто был весьма дружественно расположен.

Так, Семен Людвигович Франк (1877–1950) в своей «Биографии П.Б. Струве», имеющей отчасти мемуарный характер, передает свое первое впечатление от П. Струве: «Запомнилось какое-то духовное изящество всего его облика, при внешней неряшливости и расхлябанности, матовый цвет и тонкие черты лица и столь типичная для него манера речи: заикаясь, «экая», останавливаясь и ища подходящих слов – выражение напряженного усилия мысли в самом процессе говорения»⁵⁹. При всей симпатии к своему старшему другу и единомышленнику Франк отмечает «странности поведения», замеченные им у П.Б. Струве в 1899 г. (период его духовных исканий в плане критики марксизма): они «вытекали из силы его внутренней жизни и его впечатлительности, благодаря которым он часто как бы терял связь с внешним миром, переставал целесообразно в нем ориентироваться»⁶⁰.

Ценным источником информации о характере личных отношениях в кругу русских марксистов 1890-х гг. являются воспоминания Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (1869–1962). Она училась в гимназии, директором которой был Александр Яковлевич Герд, её одноклассницами и подругами были Надежда Крупская, Лидия Давыдова, Нина Герд (впоследствии они вышли замуж за В.И. Ульянова, М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве).

В своих мемуарах А. Тыркова рассказывает о домашней жизни своих подруг, о круге общения в этой среде; описывает салон Александры Аркадьевны Давыдовой (1849–1902), в котором часто появлялись известные писатели, музыканты, актеры. Сама А.А. Давыдова была издательницей популярного журнала «Мир Божий», на страницах которого печатались известные авторы «модных» направлений: народники и марксисты. Давыдова была близка с Н.К. Михайловским, именно в ее гостининых происходили личные встречи маститого народника с только что народившимися «учениками Маркса»: «На поверхности петербургского марксизма, на глазах у всех, включая департамент полиции, бушевали два молодых жоака – Струве и Туган», «они были неразлучны, вместе давали битвы в полузакрытых собраниях Императорского Вольного экономического общества», «эти два Аякса марксизма вместе составляли программы и манифесты, явные и тайные, вместе затевали и губили журналы, вместе шли приступом на народников»⁶¹.

Воспоминания А. Тырковой-Вильямс были написаны, по её собственному свидетельству, во Франции в годы немецкой оккупации, а публиковались частями в 1951–1952 гг. в США. Они содержат множество неточностей, структура их несколько путаная, повествовательная последовательность неоднократно нарушается. Эти мемуары хорошо передают атмосферу эпохи, многие события излагаются через призму позднейших впечатлений. В то же время данный документ интересен тем, что акцентирует внимание не на теориях и полемиках, а на человеческих отношениях. Автор мемуаров – наблюдательна и по-женски любопытна. Иногда ее суждения весьма резки и категоричны.

А.В. Тыркова была совершенно чужда марксизма, она именует его «мертвой кабалистикой». Трудно судить, сложилось ли такое отношение непосредственно в 1890-е гг. (вполне возможно) или же оно стало результатом оценочной рефлексии, продиктованной позднейшими размышлениями и переживаниями.

Не будучи сторонницей марксизма, она смотрит на русских марксистов со стороны, оставаясь вне самого процесса, отмечает довольно любопытные особенности носителей новой идеологии: «Русские пионеры марксизма купались в этой догматике, принимали её за реальность. Жизни они не знали и не считали нужным знать», «меньше всего их интересовали те, ради кого все эти теории сочинялись, – живые люди. Они, особенно Струве, их не замечали»⁶², при этом мемуаристка постоянно оговаривается, что в позднейшие годы («во второй половине жизни») она сблизилась со Струве и он стал лучше относиться к людям.

Такая противоречивость позволяет заподозрить автора в сознательном литературном приеме, направленном на то, чтобы лучше оттенить неприглядность марксизма и марксистов. Нечто подобное наблюдается и в ее рассказах о дружбе с Н. Крупской: подчеркиваются ее доброта и мягкость, противопоставляемые большевистской диктатуре, которой та верно служила столько лет (в качестве жены Ленина).

Однако утверждения А. Тырковой, что петербургские марксисты были, по преимуществу, людьми книжными, что они не знали реальной жизни, выглядят вполне достоверными.

Привлечение источников личного происхождения, при всей ограниченности таковых, для изучения истории раннего русского марксизма позволяет перевести исследование из схоластических и суховатых повествований на экономические и философские темы в описание живой жизни, наполненной чувствами, иллюзиями и разочарованиями людей, сыгравших в роковые годы русской истории немаловажную роль; людей, чьи идеи и заблуждения, достижения и ошибки по сегодняшний день остаются предметом нашего внимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зибер Николай Иванович (1844–1888) – русский экономист, в 1871 г. защитил диссертацию по теме «Теория ценности и капитала Д. Рикардо», автор книг и статей, популяризовавших экономические идеи К. Маркса. О нем см.: Клейнборг Л.М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923; Наумов Д.Б. Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Харьков, 1930.

² Сковрцов Александр Иванович (1848–1914) – русский экономист, в 1891 г. защитил диссертацию по теме «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство», профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства. В своих работах доказывал факт развития капитализма в российском сельском хозяйстве, этим и заинтересовал ранних русских марксистов, принявших участие в публикации некоторых его работ.

³ П.Н. Сковрцов начал выступать с марксистских позиций еще в 1890–1892 гг., одно время он входил в лагерь «легальных марксистов», принял участие в подготовке сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб., 1895), выступал в журналах с критикой народников, а иногда – и марксистов. Позднее практически отошел от активной общественной деятельности и сосредоточился на научной работе.

- ⁴ О нем см.: *Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия.* М., 2005. С. 420–422.
- ⁵ *Социал-демократическое движение в России. Материалы.* Т. 1 / под ред. А.Н. Потресова и Б.И. Николаевско-го. М.;Л., 1928; *Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901–1916.* Берлин, 1924; *Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода.* Т. 1–2. М., 1925.
- ⁶ *Потресов А.Н.* Письма к П.Б. Струве (1898–1899). Предисловие, публикация и коммент. М.А. Колерова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 1992. № 6. С. 37–53; *Струве П.Б.* Письма к А.Н. Потресову (1898–1899). Предисловие, публикация и коммент. М.А. Колерова // *Там же.* 1994. № 4. С. 51–64; *Мартов Ю.О., Потресов А.Н.* Письма. 1898–1913 / Науч. ред., предисловие и коммент. И.Х. Урилова. М., 2007; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. *Переписка 1892–1905 гг.* М., 2007; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 2. Письма А.М. Калмыковой. М., 2007.
- ⁷ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1892, 14 мая // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. *Переписка 1892–1905 гг.* М., 2007. С. 25.
- ⁸ В «Sozial-Politisches Centralblatt» и в «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik (Braun's Archiv)», это были заметки о работах В.В. (В.П. Воронцов), Н.И. Карышева, Николай –она (Н.Ф. Даниельсон) и И. Гурвича.
- ⁹ Цит. по русскому переводу Н.С. Ангарского (Клестова), машинопись которого имеется в Фонде Н.С. Клестова (Ангарского) в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 9. К. 7. Д. 11. Л. 2.
- ¹⁰ *Там же.* Л. 21.
- ¹¹ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, 22 июля // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 34.
- ¹² Издававшаяся в Москве газета, имевшая с 1863 г. (когда её редактором стал М.Н. Катков, а его преемниками – В.А. Грингмут и Л.А. Тихомиров) репутацию консервативного издания.
- ¹³ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, 1 июля // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 30.
- ¹⁴ *Pipes R. Struve: Liberal on the Left, 1870–1905.* Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, 1970. Русское издание: *Пайнс Р.* Струве. Биография. Т. 1. Левый либерал, 1870–1905. М., 2001. Дальнейшие цитаты даются по русскому изданию.
- ¹⁵ *Пайнс Р.* Струве. Биография. Т. 1. С. 29.
- ¹⁶ *Там же.* С. 31.
- ¹⁷ *Там же.* С. 32.
- ¹⁸ *Struve P.* My Contacts and Conflicts with Lenin // *The Slavonic and East European Review.* 1934. Vol. 12, № 36. April. Русский перевод: *Струве П.Б.* Мои встречи и столкновения с Лениным // *Новый мир.* 1991. № 4. С. 215–221.
- ¹⁹ *Струве П.Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 29.
- ²⁰ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, 17 июля // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 32.
- ²¹ *Там же.*
- ²² Подр. см.: *Бармина Н.Н.* «Легальный марксизм» и народничество: структура идейного противостояния // *Государство и общество: история, экономика, политика, право.* 1999. № 3–4.
- ²³ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, 22 июля // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 34.
- ²⁴ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, октябрь // *Там же.* С. 39.
- ²⁵ Результатом станет серия статей Струве, написанных в 1899–1901 гг. и опубликованных в журналах «Начало», «Мир Божий», «Научное обозрение». Все они были позднее собраны под одной обложкой в виде книги «Крепостное хозяйство» (СПб., 1913).
- ²⁶ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1894, вторая половина августа – начало сентября // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 37.
- ²⁷ *Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития.* СПб., 1895.
- ²⁸ А.Н. Потресов – П.Б. Струве. 1895, 12 (24) ноября // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 50.
- ²⁹ П.П. Маслов – А.Н. Потресову. 1896, 1(13) февраля // *Там же.* С. 55.
- ³⁰ Статьи П. Струве, опубликованные в «Самарском Вестнике», позднее вошли в его сборник «На разные темы» (СПб., 1902); «Философия идеального добра или апология реального зла?»; «Новая книга по русской истории и литературе».
- ³¹ А.Н. Потресов – Г.В. Плеханову. 1896, 29 ноября (11 декабря) // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 88.
- ³² Журнал «Новое Слово» основан в 1894 г. И.А. Баталиным, имел тираж – 1600 экз. В 1895 г. был куплен издательницей О.Н. Поповой, передавшей его в руки редактора С.Н. Кривенко. Журнал стал органом народнического направления. Поскольку журнал приносил существенные убытки, О.Н. Попова в начале 1897 г. продала его М.Н. Семенову, который решительно сменил направление издания, передав его марксистам. Данное событие вызвало большой резонанс в русском обществе, О.Н. Поповой даже были предъявлены обвинения в аморальном характере данной сделки. В марксистской редакции журнал «Новое Слово» выходил с марта по декабрь 1897 г., после чего был закрыт цензурой. Всего было издано 10 книг.
- ³³ Статья напечатана в двух номерах журнала «Новое слово» за 1897 г.; № 2 (ноябрь). II Отд. С. 24–51; № 3 (декабрь). II Отд. С. 93–108. Статья привлекла повышенное внимание цензуры. Была перепечатана в издании: Потресов А.Н. *Этюды о русской интеллигенции.* СПб., 1906. С. 1–72.
- ³⁴ А.Н. Потресов – П.Б. Струве. 1898, 27 июня // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 105.
- ³⁵ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1898, 11 июля // *Там же.* С. 107.

- ³⁶ Журнал «Начало» основан в 1899 г.: издательницей журнала стала А.А. Воейкова, официальным редактором – ее гражданский муж М.И. Гурович-Харьковцев. Фактическими редакторами были П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Всего вышло 5 номеров (4 книжки, так как 1–2 номера вышли спаренными) журнала, после чего издание было закрыто.
- ³⁷ П.Б. и Н.А. Струве – А.Н. Потресову. 1899, 7 января // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 117.
- ³⁸ Русский перевод см.: *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1–2. СПб., 1907.
- ³⁹ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1899, 2 января // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 114–115.
- ⁴⁰ В 1894 г. Г.В. Плеханов, под псевдонимом Н. Бельтов, опубликовал книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».
- ⁴¹ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1899, 2 января // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 115.
- ⁴² См.: *Струве П.Б.* Марксовская теория социального развития. Киев, 1905 (в 1899 г. вышла на немецком языке); *Плеханов Г.В.* Критика наших критиков // Плеханов Г.В. Соч. Т. 11. М., [б.г.]
- ⁴³ А.Н. Потресов – П.Б. Струве. 1899, 9 января // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 120.
- ⁴⁴ П.Б. Струве – А.Н. Потресову. 1899, 2 января // *Там же*. С. 116.
- ⁴⁵ Имеется в виду Екатерина Дмитриевна Кускова (урожденная Есипова) (1869–1958), известная русская общественная деятельница, одно время примыкавшая к социал-демократическому движению, но в 1898–1899 гг. ставшая одной из активных деятельниц так называемого экономизма. Являлась автором известного документа «Credo» (название дано А.И. Ульяновой-Елизаровой, пославшей данный документ в Шушенское В.И. Ульянову).
- ⁴⁶ М.И. Туган-Барановский – А.Н. Потресову. 1899, март // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 142. – Впервые опубликовано в сборнике: Социал-демократическое движение в России. Материалы. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 38.
- ⁴⁷ *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // *Былое*. 1926. № 1. С. 64–80.
- ⁴⁸ *Новый мир*. 1991. № 4. С. 215.
- ⁴⁹ А.М. Калмыкова – А.Н. Потресову. 1899, 1 февраля // Из архива А.Н. Потресова. Вып. 2. С. 106.
- ⁵⁰ А.М. Калмыкова – А.Н. Потресову. 1899, 4 февраля // *Там же*. С. 110, 111.
- ⁵¹ А.М. Калмыкова – А.Н. Потресову. 1899, 21 февраля // *Там же*. С. 115.
- ⁵² А.М. Калмыкова – А.Н. Потресову. 1899, 28 марта // *Там же*. С. 129.
- ⁵³ А.М. Калмыкова – А.Н. Потресову. 1899, 20 сентября // *Там же*. С. 153.
- ⁵⁴ *Общественное движение в России в начале XX века*. Т. 1–4. СПб., 1909–1911.
- ⁵⁵ См.: *Мартюв Ю.О. и Потресов А.Н.* Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 190–201.
- ⁵⁶ *Суворин А.С.* Дневник. М., 1992. С. 118.
- ⁵⁷ *Дьяконова Е.* Дневник русской женщины. Дневники. Литературные этюды. Статьи. М., 2006. С. 292.
- ⁵⁸ *Там же*.
- ⁵⁹ *Франк С.Л.* Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 20.
- ⁶⁰ *Там же*. С. 22.
- ⁶¹ *Тыркова-Вильямс А.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 228.
- ⁶² *Там же*. С. 229.

Поступила в редакцию 19.10.09

N.N. Barmina

The history of early Russian Marxism by the personal sources

The article analyzes the process of ideological evolution and the personal relations in the Russian Marxists' circles in 1890s, reflected in personal sources – letters, diaries, remembrances.

Keywords: socio-political thought, Russian Marxism, “legal Marxism”, P.B.Struve, M.I.Tugan-Baranovsky, A.N.Potresov, A.M.Kalmykova, V.I.Ulyanov (Lenin), A.V.Tyrkova-Williams.

Бармина Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: history@udm.ru

Barmina N.N., candidate of history, associate professor
Udmurt State University
462034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya str., 1/2
E-mail: history@udm.ru